

Станислав Хабаров
Юрьев день

16+

Станислав Хабаров

Юрьев день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50847870

SelfPub; 2020

Аннотация

«Юрьев день» – вторая книга трилогии «За стеклом» королевского Особого Конструкторского Бюро начала космонавтики. Написанная в 60-е годы прошлого столетия, она сохраняет налёт секретности. Опять вместо подмосковного Калининграда в ней фигурирует зауральский Красноград и заменены фамилии. В книге показана работа на космодроме в те далёкие времена. И её герой – подлинная, талантливая и скромная личность начала космической эры. «Герой нашего времени» – можно было бы смело назвать его, когда бы это не выглядело так напыщенно. В книге показан тот же молодой креативный коллектив космической отрасли на заре космонавтики.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	57
Глава 7	69
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

«Мы предлагаем ходатайствовать об увековечении первого полёта космонавта Ю. А. Гагарина и просим 12 апреля называть «Юрьев день».

(Из писем в «Пионерскую правду»)

«Неделя» № 50, 1966 г.

Часть первая

Глава 1

Сквозь стеклянную стену аэропорта виднелось взлётное поле, вытянутые в цветных полосах корпуса самолётов, яркие «мазики» сопровождения, сплюснутые неповоротливые заправщики. Самолёты взлетали, садились, выруливали с взлётной полосы, гудели, разогревая моторы, но в помещение слабо долетал их шум. Зал ожидания жил своей обособленной жизнью. Он колыхался, ворочался и сопел, как большое, мягкое, сложно пахнущее животное.

Номер их рейса не вспыхивал на табло. Рейс был служебным. Время от времени кто-нибудь из них отправлялся узнать и, возвращаясь, сообщал:

– Откладывается... до семи.

Затем до восьми. Затем... Вылет откладывался, хотя проходило последнее назначенное время.

Они сидели у лестницы, ведущей на переход. Дремали, шелестели газетами, ходили пить пиво к стеклянной изогнутой стойке буфета. По виду их мало что отличало от остальных пассажиров: одежда лишь явно не по сезону, как будто для них задержался зимний сезон, да лёгкий загар их лиц. Но в чём только не ходили в эту переходную пору.

Сидящего с краю они называли Маэстро. У него была крупная лысеющая голова. Фамилия его была – Зайцев, но его называли Маэстро. Он выглядел старше, солидней. Остальным с виду было не более тридцати.

– Ну, что, Маэстрик, соскучился? – спросил Аркадий Взоров, поглядывая на остальных: на Вадима Палыча, на Чембарисова, на примкнувшего к ним оптика.

– Нет, Аркаша, – мягко ответил Маэстро.

– Терпение, Юра, терпение, – вмешался Вадим Палыч, – ещё немного терпения, и мы полетим.

Чембарисов дремал, а Вадим Палыч с оптиком обсуждали фильмы, которых не видели. То один, то другой, по очереди говорили названия, и, когда встречался пропущенный, они вспоминали всё, что читали о нём, что слышали от других, что сохранила их цепкая тренированная память.

– И-и-ии-их, – зевнул Аркадий Взоров. – Как годы летят. Уже половина десятого.

Он потянулся, вытягивая перед собою руки с ярко раскрашенным журналом, точно спихивал с себя что-то невидимое другим.

– Прочёл? – живо спросил Маэстро, оборачиваясь и кивая на журнал.

– Нет, – помотал головою Аркадий и опять зевнул, и от этого «нет» получилось у него похожим на «эт».

– Учишь, что ли?

– А что, Маэстрик, соскучился? – обрадовался Взоров. –

Хочешь, задачку дам?

– Почитать дай.

– Ты не хочешь понять меня, Юра. – Тебе работать нужно. Тебе нельзя застаиваться. Ты создан для расчётов, как Чембарисов для наслаждения.

Дремавший Чембарисов поднял красное заспанное лицо, спросил, повертев головой: «А? Что?» – и, не дождавшись ответа, откинулся на мягкую спинку кресла.

«Опять эти шуточки, – сердясь, подумал Маэстро, – точно им всё равно, ничего не случилось, и нервы верёвками у них». Он ещё на полигоне спросил: «Вадим Палыч, слухи ходят: у нас отбирают объект». «Чушь», – ответил тогда Вадим уверенно. А сегодня утром, при сборах в гостинице он опять спросил: «Как, по-вашему... серьёзно, Вадим Палыч... Может такое быть?» «Может, Юра, – ответил тот. – Всё может быть.» А теперь они шутят, переливают из пустого в порожнее и так ведут, словно это их не касается. Неужели теперь, когда всё сделано, отберут?»

Потом-то он понял, что причиной его первой поездки на ТП¹ было обычное везение дублёра: уволился Мокашов. Но в тот день, когда его вызвал к себе Воронихин и предложил ознакомиться с материалами по «гибриду» – он недоумевал. Сам он занимался в то время облётом Луны и считал на машине планирующий спуск. На всякий случай он обратился к

¹ ТП – техническая позиция, космодром. Специалисты называли его ещё полигоном.

Вадиму, но и ответ Вадима его не удовлетворил.

– Ничего, вгрызайся, – сказал Вадим. – Во всяком случае, это полезно. Сейчас такой человек нужен, чтобы разбирался в системе и баллистику сёк.

– Нам нужен такой человек, – добавил Вадим, – честный и малограмотный.

Маэстро знал манеры Вадима и поэтому ждал.

– Родине нужен такой человек, как ты.

– Это мне не подходит.

– Конечно, не подходит. Через месяц поедешь, а пока разберись.

– Это всё?

– Всё.

Несколько соображений имелось в пользу Маэстро. Нужен был человек, который не будет ныть и чернить всё, сделанное до него. Времени оставалось мало, и хотя в общем всё уже было сделано, требовалась скрупулёзная проверка. И ещё не хотелось подключать чужих. Это было важным соображением. И хотя Маэстро был занят на других работах, оно решило дело.

На время Маэстро обложился документами по «гибриду»: исходными данными, программами прежних полётов, отчётами по моделированию. И везде на документах от теоретиков стояла подпись Мокашова, хотя сам он уволился и пропал с горизонта фирмы. Перед самым отъездом Вадим сказал ему вместо напутствия:

– Ехать некому, сам понимаешь. Человеческие пуски на носу. Во всем полагайся на Славку. Кое в чём и ты будешь его выручать. Там в связи с пуском нового носителя такая куча генералов и главных, и ты, возможно, будешь для них своего рода экскурсоводом. А перед пуском приедем я и Викторов или Иркин или Воронихин. В случае чего, звони.

«Нашли, тоже мне, говорящего попугая», – проворчал про себя Маэстро, хотя в душе был чрезвычайно рад свалившейся удаче. На ТП – техническую позицию, как ещё называли космодром, от отдела ездили в то время считанные единицы, а от их теоретического сектора совсем никого не посылали. В отличие от прибористов их называли «теоретиками». Они вели расчёты и раньше других обсчитывали объекты. Прибористы подключались к ним на том этапе, когда теоретикам всё было ясно. Сначала прибористы приходили робко и начинали примерно так:

– Извини меня за дурацкий вопрос. Мне непонятно...

И теоретики объясняли требуемое, но время шло и к теоретикам обращались всё реже. Дотошные прибористы выжимали теоретиков, как лимон, записывая данные в проектную документацию, Затем надобность в теоретиках возникла только в пожарных случаях, когда случалось отклонение в приборах или появлялся нерасчётный режим. Теоретики к тому времени уже рассчитывали следующую машину, о которой прибористы пока и не подозревали, и при вопросах вспоминали, поднимая глаза к потолку. А в это время

в приборном части отдела в период выпуска реальных приборов («железа», как здесь говорили) стояли на головах. И когда какой-нибудь приборист, подпёртый жёстким сроком, прибежал посоветоваться и не находил теоретика на месте, он просто зеленел от негодования.

– У нас хроническая бессонница и круглосуточный цех. А теоретики идут в это время пить пиво и есть шпикачки, – говорили прибористы, и это были самые слабые выражения, вылетающие по этому поводу из их уст. И только насущная необходимость в расчётах и светлых теоретических головах не раз сдерживала страсти. Теоретикам всегда попадало. В горячке предпусковых испытаний слово «теоретик» воспринималось не иначе как «сачок» и произносилось в сугубо ироническом смысле. Заботы о теоретиках начальника отдела и других руководителей, напоминали родительские заботы чрезвычайно перегруженных работников. Они понимают ответственность воспитания и свой родительский долг. Они желают выкроить минутку. Но вот беда, этой минутки нет, как правило.

Урезанное внимание неизбежно порождало урезанные возможности. В командировки теоретиков не посылали. От конференций их (где им, казалось, быть сам бог велел) старались отговорить: «Там ничего интересного. Вот если бы вы поехали с докладом, а так не стоит». И на ТП ездили одни прибористы. Вот почему, как ни ворчал про себя Маэстро, и он сам, и окружающие, конечно, понимали, что ему в этом

удивительно повезло.

И потому в утро отлёта, когда всё уже было решено, и он спешил с чемоданчиком к автобусу, в его душе играла светлая музыка. Внезапно она становилась торжественной и неземной, как, скажем, «Полёт валькирий» Вагнера. Ему хотелось даже, чтобы всё было не так, чтобы гремели вдоль его пути литавры, чтобы люди, останавливаясь на минуту, кланялись, кивали, прощально махали рукой. А он шёл бы среди них немного смущённый, гордый, как говорится, оказанным доверием, помахивая чемоданчиком в одной руке и плащом в другой. Но люди озабоченно спешили по своим делам. Для них это было обычное будничное утро, и не с кем было ему перекинуться взглядом, поделиться возбуждающей радостью, сказать на худой конец короткое «пока».

В автобусе, как назло, у него не оказалось мелочи. Он долго шарил по карманам. «Хорошенькая история. Этого только не доставало. Как безбилетника заберут».

Автобус был пуст, такие недавно пустили без кондуктора. Он показал водителю трёшку – самое мелкое, дождался, что тот, заметив, отрицательно кивнул, затем уселся на высокое сидение над колесом.

Автобус медленно трясся, створки двери его дребезжали, и теперь, когда хлопоты были позади, Маэстро казалось, что вот так, с тряской и дребезжанием, под автобусный шум въезжает он в своё немудрёное счастье.

Посреди дороги водитель остановил машину и вошёл в са-

лон.

– Бери билет.

– Так мельче нет.

– Выходи.

– Опаздываю, пойми.

– Не моё дело, выходи.

– Лучше штраф возьми.

– Не моё дело. Я не контролёр.

– Сейчас войдут, разменяю и расплачусь.

Он даже к кассе стал, демонстрируя готовность, но тут случилось непостижимое. Автобус тряхнуло, ноги Маэстро вдруг оторвались от пола, а мгновение спустя он уже лежал на полу. Остаток пути он оттирался захваченной газетой, да грозил водителю, хорошо хоть не видел себя со стороны.

У проходной ему нужно было пересесть в другой автобус, служебный, идущий на аэродром. Автобус уже стоял у рыжих, широких дверей проходной. Он был стареньким, пузатым, окрашенным до половины в жёлтый, а ниже в голубой цвет. Шофёра за рулём не было. Маэстро походил взад-вперёд по аллейке, ведущей к проходной. Вдоль аллеи тянулись молодые тополя и ясени, которые так обрубали весной, что они пугали обрубками и их называли «ужасами войны». Одни из них двинулись в рост, выбросив тонкие пуки побегов, другие так и остались без листвы. И не ясно было: корчевать их или оставить до следующей весны?

Когда он подошёл к автобусу, возле него стояли хмурый

шофёр и широкоплечий (на таких, как говорится, землю пахать) мужчина с полным лицом, улыбающийся одними глазами.

– Зайцев? – спросил улыбчивый человек.

– Зайцев, – ответил Маэстро. По машине этой он никого не знал и потому назвал себе собеседника для определённости мордастым.

– Спасибо, что не опоздал, – сказал мордастый, словно знали они друг друга давным-давно и расстались от силы вчера.

– Ну, шеф, шуруй свою керосинку.

Шофёр ответил не сразу, не торопясь. По тону его можно было понять, что ему «вот так» уже надоела горячка, а сам он, по натуре своей, не склонен спешить и не намерен поощрять всяких до этого дела любителей.

– У меня трое записано, – сказал он и попинал колесо.

– Третий кто?

Но шофёр не ответил и вокруг машины пошёл, всем видом показывая, что ему наплевать.

– Как твоя фамилия?

– Нефёдов, – хмуро и неохотно ответил шофёр.

– Сейчас провентилируем, – словно не замечая, сказал мордастый и быстрым шагом ушёл к проходной. Когда он вернулся, шофёр уже сидел на своём высоком кожаном кресле, глядел вперёд, облокотясь на баранку, и сосредоточенно молчал.

– Лобанова ждём? – спросил его весёлый попутчик.

– А что? – насторожился шофёр.

– Не будет его.

– Чего не будет?

– Лобанов четырехчасовым полетит. И давай-ка, слазь со своего драндулета, звони, выясняй. Я с референтом Главного говорил?

– Не знаю я никаких референтов, – лениво сказал шофёр. – У вас своё начальство, у меня своё.

– Опоздаем, чудак.

– У меня трое записано.

– Ну, давай так. Ты звони в гараж, а я позвоню, чтобы позвонили туда.

– А в листе кто исправит?

– Я исправлю.

Но всё это не влияло на настроение Маэстро. Ему даже было смешно: такой, мол, упорный попался шофёр. В автобусе он устроился поудобнее, и начал думать, как прилетит на ТП, и всё будет не так, как он себе представляет. Хуже или лучше, но иначе. Разве мог он, например, представить себе такого занудистого шофёра вместо обычных спокойных и исполнительных. Между тем мордастый сумел разговорить шофёра, и Маэстро стал вслушиваться в их разговор, хмыкая себе под нос.

– Не болтай ногами, – говорил попутчик. – Главного возил, – повторил он слова шофёра с иной интонацией.

– Возил, – упрямо отвечал шофёр.

– На «Волге»?

– На «Волге».

– А теперь он на «Зиме»?

– На «Чайке».

– Ну, как Главный? Лют?

– Да, уж не прост. Только справедлив. Приедем куда, говорит: «Стоянка – полтора часа, пообедай» и десятку даёт? Едешь тихо, сразу: «На похороны собрался?» А превысишь скорость: «Куда гонишь, лихач?». Он меня и в Москву брал с собой. «Ты как, едешь?» – спрашивает, а сам вроде бы и не смотрит, газету читает. Тут надо стараться, а то может в гараж позвонить. Я когда его ещё не возил, история у меня была. Погорел. В бараке жил, всё на плитке, ну и погорели чуток. А с этим самым, как ты говоришь, референтом я был в том время как бы по корешам: на рыбалку возил. «Ты, – говорит, – сходи к Главному, попроси материальной помощи. Приходи, когда никого не будет, попозже». Прихожу вечером, часов в восемь, он мне говорит: «Что ты? Рано ещё». Ещё раз зашёл. «Ну, – думаю, – я-то подожду, у меня терпения хватит». Прихожу в одиннадцатом часу. «Заходи, – говорит, – один он». «Давай, – говорю, – вместе зайдём». «Иди, иди». Вошёл я, а его нет. «Вот, – думаю, – штукач-референт, шутки вздумал со мной играть. Шутить ему захотелось. Я те вот пошутю». Смотрю, в кабинете дверь. Я её на всякий случай подёргал. Смотрю, за ней комнатка маленькая: диван,

ковёр, стол письменный, а Главный ходит в одних трусах, зарядку делает. «Ты что?» – спрашивает. А я смутился: «Может быть в другой раз?» «А что у тебя?» «Помощь прошу, вот заявление». «Сколько получаешь?» «Как сказать, – думаю, – скажешь мало – проверит, скажешь правду – не даст». Я в то время на «Волге» работал, 105 получал, а на других машинах шофёра по 80 получают. «Девяносто», – говорю. А он мне: «На „Волге“ ведь 105 получают». «Ну, иногда и 105». «Я тебе выпишу 50 процентов. А будешь химичить, останешься в дураках. Ну, иди». Выхожу, референт спрашивает: «Подписал?» «А как же». А у самого поджилки дрожат.

Глава 2

В самолёте разговаривать не пришлось. Попутчик, привалившись к спинке кресла, дремал, а Маэстро смотрел в окно. Весь полёт проходил в белёсом тумане. Самолёт качало, и он то натужно ревел, переминая неподатливое облако лопастями винта, то начинал бешеное вращение в неожиданной пустоте. Из молока тумана выглядывали за окном желтоватые блестящие, с широкой красной полосой моторы АНа. Прозрачный пропеллер вращался перед окном, и временами казалось, что мотор летит рядом, самостоятельно. Над Актюбинском туман исчез, и самолёт пошёл ровно: без толчков и вздрагивания.

– Смотри, закручивает, – сказал вдруг выпавшийся попутчик. Он смотрел в иллюминатор через зайцевское плечо.

Они летели почти над самой землёй. Земля под ними была гола и безобразна, местами на ней виднелись какие-то потёки, как от первых дождевых капель на запылённом стекле. «Высохшие реки», – догадался Маэстро, и услышал над своим ухом: – Дождь.

Точно конная лавина, скрытая клубами пыли, взбила её дружными копытами на краю степи. Фронт пылевой завесы быстро передвигался вместе с лиловыми, перемежающимися, шевелящимися полосами дождя. И пытаюсь обойти эту неожиданную преграду, самолёт долго кружил, закладывая

виражи, при которых в одном окне появлялась земля, а в противоположном грозовое небо. И когда эти виражи и пируэты стали порядком надоедать, самолёт опустился вдруг на сухой, свободный аэродром, щедро залитый, несмотря на поздний час, уходящим солнцем.

– Слушай, – спросил попутчик, подхватив свой крохотный чемодан, – за тобою машина будет?

– Не знаю, не уверен в этом, – ответил Маэстро и хотел было в свою очередь спросить, но увидев, что попутчик сразу как-то поскучнел, решил воздержаться от вопросов. Он попрощался с пилотом, вышедшим из своей кабины, поблагодарил его и, когда спустился на землю, то увидел, что попутчик уже хлопает по спине какого-то загорелого здоровяка.

– Ха-ха-ха, Варсанофьев, – смеялся попутчик. – Меня, значит, встречаешь?

– Вроде бы и тебя, – отвечал бронзоволицый великан. – Вот шанцевый инструмент привёз, а заодно и тебя встретил. Только погоди, доски эти припрятать надо. Уведут.

– Да, кто уведёт?

– Ничего, так надёжней будет.

Маэстро дождался, когда попутчик обернулся к нему, махнул ему рукой: «мол, пока», и побежал к зданию аэропорта, возле которого на асфальтовой площадке стояли машины. Он подбежал к одной, что стояла с заведённым мотором, и попросил водителя:

– Подбросьте.

– Куда? – спросил водитель, не глядя и ворочая вниз рукой.

– На двойку.

– В другую сторону.

И машина ушла, обдав Маэстро крепким запахом сгоревшего бензина. За ней двинулась другая. Маэстро, схватив чемодан, метнулся в противоположный конец площадки, где под навесом фыркала последняя машина, крытый вездеход.

– Подбросьте, – попросил Маэстро шофёра, надеясь добраться хотя бы до первой промежуточной площадки.

– Садись в кузов.

Маэстро обошёл машину и увидел, что тут и попутчик и его знакомый и какой-то юркий, коротко стриженный парень, которого называли Василием. Он сидел на лавочке и, держа на коленях фибровый чемоданчик, с которым обычно ходят на тренировки, что-то писал.

– А пропуск у тебя есть? – спросил попутчик.

– Нет, – ответил Зайцев.

– Ладно, доедешь с нами до бюро пропусков. Василий, а бюро закрыто?

– Закрыто. Оно до пяти.

– Придётся тебе до утра подождать.

– Я подожду.

– Ну, поехали, – махнул попутчик.

– Да вот, – кончив писать, вздохнул Василий, – тут ещё Зайцев какой-то. У меня и пропуск на него.

– Зайцев это я, – сказал Маэстро, а Варсанофьев только рот раскрыл и расхохотался: ну и ну.

Маэстро расписался за пропуск, разноцветную картонку и уже уверенно полез в машину. Ему было приятно, что о нём думали, его ждали, и здесь уже были предупреждены, и ему не нужно искать машины, кого-то просить, умолять и, может, услышать отказ. Он уселся на лавочку рядом с попутчиком, а Василий сел впереди с шофёром, и они покатали по отличной шоссейной дороге в бескрайнюю степь.

– Ну что? Подремать? – подумал Маэстро и похолодел. Он вспомнил, что его плащ и куртка остались там, в самолёте. Он повесил их за сидением, и с тех пор о них так и не вспомнил.

– Послушайте, – толкнул он мордастого, и тот повернул к нему насмешливое лицо.

– Оказывается, я вещи забыл.

– Стой, – закричал попутчик шофёру, и когда машина остановилась, холодно сказал: – Придётся возвращаться, вот этот товарищ вещи в самолёте забыл... А голову ты не забыл? – спросил он, глядя в упор и не улыбаясь, и Маэстро почувствовал и нутром и кожей: какой он все-таки разгильдяй.

– Хорошо, рано вспомнил, – сказал Василий, когда они вновь подъехали к аэродрому. И всю долгую дорогу попутчик не замечал Зайцева, а обращался к Василию или шофёру, словно не было тут Маэстро.

Разве можно сравнивать с чем-нибудь первые впечатления. Во второй приезд по пути с аэродрома он только вспоминал: «Вот туда ходили купаться. Добирались прямо по степи и нередко встречали змей. А вот здесь его застала песчаная буря. Ветер дул, хоть ложись на него. От песка приходилось плевать, хотя рот был закрыт и ужасно резало глаза. Степь была такая же красная. Но была жара, и когда газик останавливался у контрольно-пропускного пункта, казалось, что дышать больше нечем, так, как в духовке, и тебе не пережить этой остановки.

Затем газик снова летел по шоссе, взывал на предельной скорости, а впереди, сзади и по бокам неслась безжизненная красная степь, полупустыня, а может и пустыня.

Маэстро не вслушивался в разговор, и говорили о непонятном.

– ... Капцова перевели, а Легунков рапорт подал, – перечислял Варсановьев, – да, Кум снова холостяком.

– Ну? – удивлялся попутчик.

«О чем они и куда меня пристроят? – думал, покачиваясь, Маэстро. Казалось, он составлял с машиной какой-то единый механизм, покачивался на поворотах, регистрируя толчки. И хотя вначале было неприятно, теперь он почти не чувствовал вины. «Это даже хорошо, что мордастый с ним не разговаривает. К чему ненужные разговоры?»

Здание МИКа² показалось издали: освещённое заходя-

² МИК – монтажно-испытательный корпус, в нем собираются и испытываются

щим солнцем, светлое, неожиданное в степи. Газик запетлял, притормаживая на дуге. Показались первые дома, строящееся здание в лесах.

– Тебе куда? – спросил его Василий.

– В гостиницу, – неуверенно ответил Маэстро.

Машина остановилась на шоссе между двумя трёхэтажными зданиями, окрашенными в жёлтый цвет и похожими как близнецы. Одно из них стояло на возвышении, другое, наоборот, ниже шоссе – к нему ещё нужно было спускаться по ступенькам. И поэтому выходило, что верхнее здание смотрело на нижнее как бы свысока.

– Спасибо.

– Пожалуйста, не забудь чемодан.

– До свидания, документы останутся у вас?

– Получите завтра в экспедиции.

И больше Маэстро не встречал Василия за все своё месячное пребывание на ТП.

Спустя полчаса после прибытия он стоял со Славкой Тереховым – прибористом их отдела в конце короткого, метров двести-триста отрезка шоссе, начинавшегося у МИКа и кончавшегося здесь, на развилке дорог у строившегося здания.

Терехов был уважаемым человеком в КБ, но за глаза его все звали Славкой.

– И это всё? – с недоверием спрашивал Маэстро.

– Всё, – подтвердил Славка. – От альфы до омеги.

Говоря, он медленно провёл полукруг рукой, остановив её на маленьком домике контрольно-пропускного пункта, с нацеленным в небо шлагбаумом. Перед этим они прошли до МИКа в одну сторону шоссе, затем вернулись обратно. И вся экскурсия заняла у них от силы пятнадцать минут. Был тёплый вечер, вдоль шеренги деревьев (их поливали вечерами) непрерывно струилась вода, и временами налетал такой одуряющий запах, что Маэстро становилось не по себе.

– Что это? Чем это пахнет?

– Кустарник, – ответил Славка, – такими мелкими цветочками цветёт.

Они подошли к гостинице, светившейся всеми окнами. Из них врывалась в ночь задумчивая музыка, и Маэстро подумал, что совсем не так представлял себе легендарный Байконур. Тёплая ночь, зелень деревьев, освещённых светом люминесцентных ламп, музыка, голоса и песня, доносившаяся из открытого окна, напоминали юг, Сочи, с его ритмом настоящего и показного веселья, с той единственной разницей, что сходство ограничивалось освещённым пяточком перед гостиницей, да до ближайшего моря можно только долететь.

На обратном пути Славка изображал экскурсовода.

– Товарищи экскурсанты, посмотрите налево, – говорил он, как опытный гид. – Перед вами место, откуда отправили в небо первый космический лифт. Поясняю, лифт для наглядности... Ничего получается?

– Прямо как у Эйнштейна. У него тоже лифт для наглядности.

– А он в период создания теории относительности, я думаю, лифтёром подрабатывал. А затем этот штрих из его биографии выбросили. Для солидности. Мол, так и так: работал в патентном бюро. И всё становится на свои места: знакомство с новыми идеями в различных областях не могло не привести к естественному открытию.

Славка непрерывно болтал. Возможно, он намолчался перед этим.

– Итак, леди и джентльмены, это место как бы специально выбрано для космических стартов. Оно удалено от населённых пунктов и больших городов согласно требованиям международных санитарных акустических норм. Скажем, от Москвы что-нибудь на две тысячи километров, от Ленинграда на две тысячи пятьсот, от Владивостока порядка пяти тысяч. Правда, не знаю, согласовано ли это место с Лигой защиты животных, потому что водятся тут суслики, тушканчики и прочие пресмыкающиеся, а также пауки, фаланги, они же сольпуги, они же бихорхи.

Они шли, а над головами их разливалось сияние люминесцентных ламп, от которого масляно блестело шоссе.

– Это место, высоко поднимается над уровнем моря, а поэтому свободно от туч или облаков и как бы самой природой создано для космических стартов. А вообще, – переходя на обычный тон, добавил Славка, – довольно паршивое место,

и почему тут площадка, хоть убей, не пойму?

– Удобно для выведения, – пояснил Маэстро.

– Чёртова пустыня: песок да глина. Я вот считаю, что не запуски, а эти здания – подвиг. И всё здесь привозное: кирпич, стекло и последняя пуговица. Кругом песок, но, говорят, и он негоден для строительства, а строительный возят издалека. Теперь тут ничего, комфорт. Ты бы раньше посмотрел.

– Да, совсем забыл, – спохватился Маэстро. – Я тебе посылку привёз и письмо.

– За такие вещи полагается канделябром. Поторчишь тут с моё, начнёшь понимать, что такое письмо.

Глава 3

– Послушай, Юра, Здесь прямо-таки для тебя написано, – не унимался Аркадий Взоров, листая журнал. – Ответы читателей на анкету: «Моё представление о браке». Опрос читателей в возрасте от пятнадцати до тридцати.

– Не буду слушать. Сам прочту, – огрызнулся Маэстро.

– Какого мужа хотят себе девушки? – начал было Аркадий Взоров, перевернул страницу, замолчал и посмотрел на остальных.

– Читай, – скомандовал Вадим.

– Во-первых, интеллигентность, искренность, затем трезвость. И не нужны им твои формулы, Маэстрик. Девушки не разбираются в формулах. Чего ожидают юноши? – продолжал Взоров. – Искренности, интеллигентности, верности, скромности, красоты... У девушек трезвость на третьем месте, у юношей на тридцать втором... Посмотрите, как Славка выкаблучивается.

Отсюда издалека разговор Славки с хорошенькой темно-волосой девушкой в форме ГВФ напоминал забавную пантомиму. Он то размахивал руками, то прятал их в карманах плаща. Но и тогда, словно пытаясь сохранить движение, покачивался на каблуках, и голова его двигалась точно на шарнире. А она устойчиво, как идол, сидела за своим справочным столиком, и со стороны их взаимоотношения напоми-

нали танец щуплого и темпераментного холерика с меланхолически неповоротливой партнёршей.

– Ничего девочка, – произнёс Чембарисов, имевший оловельный, заспанный вид, и тут же, прикрывая смущение, сделал зверское лицо, выпятив челюсть и выпучив глаза.

– Ничего, по-твоему? – с весёлостью в голосе отозвался Вадим.

– А что? Ничего, – пробормотал Чембарисов уже без прежней уверенности.

– Не втаптывай в грязь свои идеалы, – вмешался Аркадий Взоров. – Она действительно хороша и знает цену себе. А если забудет, ей тотчас напомнят. Вон сколько их с дурацкими вопросами у её справочного столика. А она думает, наверное, отчего мужчины такие глупые? Может, в жизни не видела она умного мужчину. Понимаешь, ни разу... Ты бы сходил, Маэстрик.

– Я протестую, – сказал Маэстро.

– Тоже мне, протестую, – передразнил его Вадим. – Прощу всех отвернуться. Особенно Зайцева. Претит ему, видите ли, полигонное воздержание. От первой встречной женщины ошалел.

«Шутят, – подумал Маэстро, – пусть шутят. Оттого и шутят, что на душе у них кошки скребут. Коррекция будет без них. Но почему? Служебные ведь самолёты – всепогодные. Вот они здесь, а он летит себе в безмерной пустоте, их голубчик, удивительно сложный и одновременно одноразовый, на

один полёт. И получается не по-людски: приучат, заставят сердцем прикипеть, а привяжешься, отберут.

Рядом смеялись, но это его не трогало. И на девушку в форме ГВФ он не взглянул. «Мало ли прекрасного в мире, и эта девушка из ГВФ красива обычной узаконенной красотой, как все эти „мисс Мира“ и „мисс Вселенная“, что стали печатать теперь даже в конце технических журналов». Да, и при желании он бы не смог на неё взглянуть, Взоров загораживал, но тут Взоров отодвинулся, и он её увидел. Она сидела прямо и трогательно, и была так хороша, что дух захватывало.

«Занять их следует, – подумал Вадим, оглядывая ожидающих. – Но отчего это нет самолёта? И не из-за погоды. Свои летают ведь в любую погоду... Испытание бездействием. Пускай хотя бы здесь отдохнут от непрерывного «дай-дай-дай»».

На огромных окнах аэропорта масляной краской были на-малёваны огромные уродливые цветы, а рядом на запотевшем стекле кто-то пальцем вывел прекрасный женский силуэт. И выходило, что мир не без талантливых людей, но не всегда они в нужном месте. Вот и их место не здесь, а на НИ-Пе³ – в пункте управления, откуда в короткой зоне видимости начнётся сеанс управления «гибридом» – межпланетной АМС⁴. Впрочем незаменимых нет. И без них справятся. С

³ НИП – наземный измерительный пункт.

⁴ АМС – автоматическая межпланетная станция.

тем или иным успехом. Вот именно. А нужно с наивысшим успехом, когда летит их голубчик, в котором их мечты и чаяния.

Чембарисов всем видом выказывал довольство судьбой. Дремал, изредка выпадая из сна, спрашивал и вновь проваливался в дремотную пелену снов.

– Эх, хорошо на белом свете жить, – сказал он, зевая, – никто тебя не дёргает.

– Хорошо жить – плохо, – отозвался Аркадия Взоров, – цель пропадает.

– Это смотря какая цель, – не удержался Вадим.

И они снова заспорили.

– Управление должно быть выделено, – настаивал Аркадий Взоров, – вы просто – отсталый. Управление полётами – отдельный этап.

– Какими полётами? Серийными, а у нас – экспериментальные.

«Как хороша, – думал Маэстро, взглядывая на девушку ГВФ. – Интересно, осознает ли она свою красоту или к красоте привыкают, как и к уродству?»

Он смотрел на неё короткими взглядами, и это доставляло ему тайное удовольствие. Что-то оттаивало внутри. Он чувствовал ещё в себе пустоту, но это была пустота ожидания в предчувствии заполнения её.

До своей первой поездки на ТП Маэстро считал себя чрез-

вычайно влюбчивым. Он мог неожиданно влюбиться, например, в девушку, встречавшуюся ему на улице по утрам. Сначала, встретив её, он отмечал про себя мимоходом, что она недурна и не более того. Потом ожидал встречи с ней, просыпался и думал, что встреча ещё впереди, и огорчался, не встретив. Когда он взглядывал на неё, в груди у него щемило. И ему казалось, что она знает и чувствует то же самое. Он был большой выдумщик. Однако, когда она исчезала с горизонта, он недолго жалел, понимал, что это всё не всерьёз, и ожидал серьёзной любви.

Как и многим несобранным людям, Маэстро хотелось организовать, распланировать жизнь, как садик, убрав заросли и бурелом. Тогда на всё бы хватало времени, но так постоянно не получалось, хотя он жил в общежитии и не был обременён семьёй. А, может, это и мешало. Каждый вечер проблема: где ужинать и куда пойти?

Он постоянно занимался организацией труда и быта, составлял планы на день и на неделю, а временами начинал даже «новую жизнь»: пересиливал себя, делал то, что не хотелось. Это не сложно. Нужно только браться сразу, не раздумывая. Регулярно делал зарядку и по утрам обливался, а после первой поездки на ТП наметил себе правила тренировочных знакомств.

«Обязательно нужно знакомиться, – убеждал он себя, – обязательно и принудительно, по несколько знакомств в день. Это необходимо, а то я не умею сходиться с людьми,

например, как Славка. У него все знакомые и друзья».

Разговаривать в первый раз ему было просто мучительно, потому что он думал и за себя и за собеседника. «Нужно больше знакомиться. Особенно с женщинами. Это естественней. Нужно отработать манеру держаться и лёгкий стиль».

Но знакомиться ему было мучительно, и он откладывал обязательные знакомства на неопределённый срок. Очень стойким иммунитетом оказался стыд от первой поездки на ТП.

– Красиво здесь, – признался Маэстро, поглядывая на светящийся, стеклянный вестибюль гостиницы.

– Обожди, – сказал ему Славка. – Сейчас закину удочку насчёт двухместного, отдельного. Жди меня здесь.

И он подошёл к мужчине, одиноко стоявшему на шоссе.

Вдоль шоссе гуляли парами и коллективами, и стук каблучков влетал во все окна обеих гостиниц, потому что все окна и балконные двери и даже многие двери в коридор были распахнуты настежь.

– Двадцать третья, – выходила из светящегося вестибюля дежурная. – Двадцать третья.

Дежурная была симпатичная и молоденькая, высокая, широкими чуть вывернутыми губами напоминающая Брижит Бардо.

– Мальчики, – обращалась она к стоящим вокруг, – по-

кричите Варсановьева.

– Варсановьев! – кричали снизу, а на третьем этаже вы-
водили старательно:

«Улица, улица,

Улица широк-а-я...» – тянули женский и мужской голоса.

«Отчего ты, улица,

Стала кривобокая?»

Мужской голос медлил, растягивал слова, и оттого «ши-
рокая» выходило длинно.

– Вар-са-новь-ев!

– Кого? – закричали с балкона на третьем.

– Варсановьева к телефону. Я больше не могу кричать, –
расстроено говорила дежурная.

– Леночка, – гремел сверху появившийся Варсановьев. –
Давай к нам и кричать будет не надо. Будем говорить шёпо-
том.

– Давайте скорей. И где это Дашка заблудилась? – спра-
шивала дежурная. А обрадованные командированные, кото-
рым нечего было делать, кричали хором:

– Да-ша, где ты блу-дишь?

В это время с другой стороны дома заиграл магнитофон,
и дежурная сказала с сожалением:

– Где это играет? Ах, где это играет? Мальчики, позовите,
если позвонят, – и она пошла вокруг дома, посмотреть, где
это играют.

– Бедная, – почему-то пожалел её Маэстро. – Скучно ей

здесь, Он посмотрел на тонкую удаляющуюся фигурку, на частые пуговички «по позвоночнику», изгибающиеся при ходьбе, и ему стало горько и грустно, как будто что-то прекрасное проходило мимо. Он совсем не ожидал тёплого вечера и этой грусти и тоски по непонятному и несбыточному. Когда он прежде думал о ТП, то представлял цех, похожий на сборочный в Краснограде, пустыню и жару.

Глава 4

– Не слушай, их Юра, – сказал Аркадий Взоров. – Они тебе завидуют. Тебе все завидуют. На твоём пути будет множество соблазнов, но ты терпи.

– Терпеть нельзя, а то комплексы начнутся, – сказал Чембарисов и замолчал, потому что Вадим Палыч строго взглянул на него.

– Не требуй журнала, Юра, – не унимался Аркадий Взоров. – Терпи. Что жизнь? Набор неудовлетворённых желаний.

«О чём они разговаривают? – подумал Маэстро, поглядывая в сторону справочного столика. – О чём ещё можно спрашивать её, не связанном с рейсами, багажом и автобусами? О чём это Славка? Анекдоты рассказывает? Он всегда знакомится с анекдотов или гадания по руке. Я – не жулик, я – хиромант, – это из него, как из автомата, – как Сулла, Цезарь или Ибн-Сина-Абу-Али. Это линия любви. Бугор Венеры говорит о темпераменте. Темперамент у вас ничего, в порядке. Далее число детей, любимых или любовников. И так далее... Интересно, о чём они разговаривают?»

– Девушка, – повторил Славка, не отходя от справочного столика.

– Не могу, – вежливо и безразлично отвечала она. – Это запрещено инструкцией.

– У вас на все случаи жизни есть инструкция? На случай пожара есть?

– Есть, – отвечала девушка, не поднимая головы.

– А на случай атомного нападения?

– Отойдите, я вас очень прошу.

– Отойдите, – зашумела очередь, – слов не понимаете?

– А книга жалоб у вас есть?

– Зачем вам она?

– Благодарность записать, здорово объясняете.

Губы у девушки в форме ГВФ были тёмные, а глаза выпуклые, блестящие, и голос дрожал:

– Я вас очень прошу.

– Девушка, милая, мне очень нужно.

– Звоните из автомата.

– Это не автомат, а монетоглотатель какой-то. А у меня ни времени, ни монет.

– Какой у вас рейс?

– Не знаю.

– Как вам не стыдно? Я сейчас дежурного позову.

...И жара и пустыня – всё это было, но не так, как он до этого себе представлял, и от этого казалось нереальным. А реальными теперь оставались только Славка с мордастым попутчиком, расхаживающие по шоссе.

– Походатайствуй, – просил Славка, а мордастый словно у себя дома расхаживал, в домашних тапочках. Походатай-

ствуй о двухместном номере, на меня и моего помощника. Сегодня много освободится.

«Наверное запуск был?», – подумал Маэстро, поглядывая на мордастого.

– Освободится, – кивал мордастый. – Только нужно ещё на ваше поведение посмотреть.

– А кто это? – спросил Маэстро вернувшегося Славку.

– Лосев, ведущий по «гибриду». Разве не знаешь? – Славка внимательно посмотрел на Маэстро.

– Нет, – замотал головой Маэстро. – А что, сегодня запуск был?

– А как ты думаешь? Столько народа. Обычно работают и тишина.

– Не выпивают?

– Выпивают в меру. Сухой закон. Ну, пойдём по чайку ударим, Они вошли в гостиницу. Столик дежурной пустовал. Возле него на диване читали газеты. По углам вестибюля стояли зеркала. Холл с телевизором и низкими креслами отделяла стеклянная стенка с треснувшим стеклом.

– Кто-то с ходу хотел пройти? – кивнул на стекло Маэстро.

– Похоже на это, – буркнул Славка.

Они прошли лестницей и пластиковым коридором. Кто-то здоровался со Славкой и Маэстро руку пожал, и ещё кому-то Славка ответил мимоходом, что сейчас придёт.

– Вот сначала помощника устрою.

– А ты куда? – удивился Маэстро.

– Попью чайку и в МИК.

– Так ночь же, около двенадцати.

– Ты теперь про это временное деление забудь.

– Тогда и я с тобою, хотя бы провожу. Ты пей, а я подожду

внизу.

Мужчины всё ещё стояли группами вдоль корпуса и на шоссе. Они были в джинсах, лёгких светлых брюках, в рубашках, закатанных до локтей. Они говорили о своём: о заправке, о ресурсах, но Маэстро казалось, что в душе они завидуют редким счастливым, под ручку расхаживающим по шоссе.

Тоненькая дежурная выходила, вызывала к телефону, и никто с ней не заговаривал и не приставал. Маэстро чувствовал себя возбуждённо и приподнято, как бывало с ним, когда он попадал в новое место. Ему хотелось заговорить с дежурной, но он не знал, с чего начать. И то, что казалось сложным ему, для вышедшего Славки не составило никакого труда.

– Ленуша, – сказал Славка, – айда с нами.

– Это ещё куда? – недовольно спросила дежурная, похожая на Брижит Бардо.

– Куда ходят порядочные люди? В МИК... И обратно тебе провожающего организуем. Вот этого молодца, – указал он на Маэстро.

– Нет, мальчишки. У меня телефон.

Они обогнули здание и встретили высокую брюнетку, ко-

тору Славка тоже остановил:

– Даша, тут молодой человек соскучился, – он опять кивнул на Маэстро. – Только приехал и не развлечёт никто.

– Ты бы ему соску купил, чтобы все видели, что он только появился, – ответила, проходя, брюнетка.

– Этой палец в рот не клади.

Они отошли от гостиницы и провалились в густую темноту южной ночи. Небо опускалось на них перевернутой чашей с выпуклыми крупными звёздами.

– Смотри, спутник летит, – сказал Славка. – Американский, орбита полярная. Смотри, как видно. Воздух сухой. Пустыня.

– А чего он вихляется?

– Это кажется. Атмосфера неоднородна, оттого и вихляется. Видел такое небо?

– Нет, – признался Маэстро, любуясь.

Он давно не видел неба, лишённого обычного марева – мглистой короны больших и малых городов, колышущейся, дышащей в такт колебаниям электрической сети. А тут оно было первозданное, аспидно-чёрное и звезды яркие, жёлтые, крупные.

– Приедет Вадим, начнём астрономию изучать. Я только Медведицу знаю, да Кассиопею. А ты? Посмотри. Видишь? Напряги зрение, учёный.

Взгляд Маэстро, не находя опоры, проваливался в ночную пустоту.

– Нет, ничего.

– Ладно. В свободное время ходим. Там старт, и если внимательно приглядеться, виден кончик башни... Иди отдохай. А завтра с утра оформишь пропуск и в МИК.

– А ты надолго?

– Не знаю. Как получится. Если кончили с барокамерой, то может и до утра, а нет, приду за тобою следом.

На обратном пути поразила его странная картина. Впереди в неверном свете фонаря кланялась женская фигурка. Она то сгибалась в плавном, церемонном поклоне, то рывком откидывалась назад, и это выглядело непонятным и пугало.

– Что-нибудь потеряли?

Женщина не ответила. Он снова спросил:

– Помочь?

Она сказала с запаздыванием:

– Фаланга. Прыгает.

От блестящей поверхности шоссе подпрыгивал серый пушистый комок. Он не думал, что фаланги прыгают так высоко. Женщина наклонилась и отпрянула. Она ловила фалангу.

...Женщина и смерть. Он хотел разглядеть её на свету, у гостиницы, но пропустил и увидел уже за стеклом вестибюля, точно в аквариуме. В её тёмном платье были блестящие нити. Они сверкали при движениях. У неё было правильное миловидное лицо и волнующая фигура. «Ах, зачем всё

это здесь, на ТП?» – подумал он. Она беззвучно смеялась за стеклом, и он проворчал под нос: «Фильм ещё не озвучен».

Глава 5

– Теперь ты полнокровный гражданин республики, – сказал ему Славка, когда он, оформив пропуск и миновав часовых у входа на территорию МИКа и в его зал, попал, наконец, в сборочный.

– Присматривайся пока к объекту. Выйдет свободная минута, всё покажу.

Налево, у входа начинался монтажно-сборочный участок «гибрида». Он был заставлен пультами, аккумуляторами, термостатами, и там и сям тянулись между ними толстые жгуты кабелей. Маэстро видел объект до этого только на чертежах, и теперь с удивлением его разглядывал. Он походил на длинное гигантское насекомое с веретенообразным телом, поставленное на попа. Маэстро обошёл его, ничего не узнавая: какие-то трубки да красные крышки.

– Нравится? – спросил Славка.

– Нет, – честно признался Маэстро, – хлипкий чегой-то.

– Давай, помогай, – неожиданно грубо сказал ему Славка.

Видно объект ему нравился. – Отвинчивай разъем.

Маэстро не знал, как развинчивать разъёмы, и Славка куда-то исчез. Он крутил и крутил, а разъем всё не вынимался.

– Ну что? – появился Славка и понял, увидев расстроенное лицо Маэстро. – Тяни на себя.

Маэстро потянул, и разъем распался.

Развинчивай остальные и перенесём стол туда. Там светлее.

Когда пульт отделился от кабелей, связывающих его со станцией, Маэстро потащил его, куда показал Славка.

– Это ещё что? – остановил его мордастый Лосев, видно не забывший промаха Маэстро. И закричал вдруг уверенным голосом, сделав чрезвычайно рассерженное лицо:

– Ну-ка, несите обратно.

И Маэстро потащил обратно злополучный пульт, изгибаясь, словно он нёс тяжёлый чемодан. «Сапожина», – ругался он про себя, чувствуя себя кутёнком, брошенным хозяином.

– Вы что тут делаете? – спросил Лосев, двигаясь за ним следом. – Из какого расчёта?

– По системе ориентации.

– Я вас попрошу, – вежливо ледяным голосом произнёс ведущий, – покинуть сборочную площадку и не появляться на ней без разрешения дежурного по сборке.

Маэстро ещё раз ругнулся про себя и пошёл разыскивать Славку. Он нашёл его в углу за пультами. Он сидел на зелёном вытянутом ящике с каким-то верзилкой в золотом пенсне. Перед ними были широкие, как простыни, схемы, и они попеременно тыкали в них пальцам. Возле них стояло несколько человек, наблюдая пикировку умов.

– Нет, вы мне скажите, как? – высоким голосом спрашивал мужчина в пенсне. – Вы мне скажите. Я готов принять любую рабочую гипотезу. Только скажите: как?

Славка думал. Он демонстративно думал. И все это понимали и вокруг спорящих стояла местная относительная тишина.

– Значит... так, – произнёс Славка, и все инстинктивно придвинулись к нему.

В это время что-то зашумело на весь зал. Поток света хлынул в раздвигающийся торец здания. Длинные, огромными цилиндрами и конусами въезжали в МИК отдельные ступени ракеты-носителя, «лошади», как называли её здесь, которая повезёт станцию сначала по земным окрестностям и вышвырнет за пределы Земли.

– Итак, – сказал Славка, поводя глазами, – объясняю данный эффект дефектом нашего мироощущения.

«В стиле двадцать пятого отдела», – подумал Маэстро.

Все внимательно слушали. Ориентаторы иногда позволяли себе громкие слова. Это шло, вероятно, от начальника их прибористов – Иркина, прекрасного оратора и говоруна. Но то, что так начинали говорить, одновременно означало: ориентаторы абсолютно уверены в себе.

– На эту метку, – ткнул Славка в схему, – куча команд повешена. И мы считаем: они одновременно выполняются, но отчего? Я предлагаю мысленный эксперимент – растянуть мгновение.

Вокруг стояла настороженная тишина. Только с установщика с противоположного конца зала доносилось позвяки-

вание.

– Сначала вырубился вычислитель. По выключению его автоматом переходим в индикаторный режим. А в индикаторном что? Соображаете? В индикаторном прёт сигнал с датчиков. И в этот момент – «выключение режимов», питание вырубается.

Вокруг одинаково молчали, мыслили. Славка сказал «растянуть» и многие перемножали миллисекунды допуска на скорость телеметрической протяжки. Противоречия не было.

– А мы говорим «мгновенно», – Славка улыбнулся. – Налицо эффект словоблудия, неправильного употребления слов. Доступно?

Славка победно поднял голову.

– Может такое быть?

Кругом молчали.

– Может, но маловероятно, – сказал Маэстро.

Но на него даже не взглянули. Славка, должно быть, подумал: «Прислали союзничка, с таким не соскучишься. А здесь раз не попал, другой – не по делу выступил и в осадок выпал. А ориентаторов уважали до сих пор». Остальные не знали Маэстро.

– Ладно, – ответил верзила. У него было грубое, точно вытесанное из камня лицо и очки, как на дровосеке. – А почему раньше такого не было?

– А кто сказал: не было?

Славка взглянул поверх голов, увидел рыжего телеметриста, кивнул ему.

– Ну, что, – спросил, улыбаясь, – принёс народу показать «хвостики»?

В руках у телеметриста был кусок особенной тонкой ленты, похожей на папиросную бумагу, на которой писалась телеметрия.

– Нет, – помотал головою телеметрист, – здесь иное, какие там хвостики, целый драконий хвост. У ДУСов⁵ биения.

– Показывай.

Через ленту шла жирная, бьющаяся кривая.

– Нет, – отстраняясь, промолвил Славка, – этого не может быть.

Славка давно уяснил себе несложную истину, которую сформулировал себе так: «объект всегда прав». Сколько не повторяй, про себя или громогласно при всех: «Этого не может быть», ничего не изменится. Нужно действовать. Прежде всего найти ведущего. Именно он в подобной ситуации способен нанести наибольший вред: звонить в Красноград, информировать, жаловаться, порождая панику и суету. И будешь не столько работать, сколько отписывать и отвечать на звонки. Заблокировав ведущего, нужно было поспешить в архив – отобрать необходимую документацию. Ибо такова природа невезения – всё начинает работать против тебя. Затем собственно разбираться и между тем занять тео-

⁵ ДУСы – датчики угловых скоростей.

решетка. Теоретик в подобной ситуации становился бельмом на глазу. Ещё вчера он искренне радовался: «прислали союзника», а теперь бы не поспешил, чтобы теоретика не было на ТП. Вадим ему, помнится, как-то сказал: слушаешь Зайцева, который вчера только с дерева слез. И получалось, что Зайцев – не тот, кому стоит в серьёзном довериться. Возможно, он – просто из разновидности графоманов теоретического плана и может только считать и катать теорию не по существу. Его следовало ограничить. И Славка сказал:

– Не суетись.

Теоретик теперь напоминал ему выпущенного из бутылки джина. Но стоял он с таким обречённым видом, что Славка сказал:

– Чего стоишь на расстоянии двух световых лет? Подойди.

– Не всё сразу, – выслушал он жалобы Маэстро, – впишем тебя в расчёт. И ты не ходи коровой. Мог бы объяснить, что не на экскурсии. А ничего ку-клукс-клановец?

Славке «гибрид» определённо нравился. Маэстро попробовал взглянуть его глазами, но ничего приятного не нашёл. Тело станции состояло из нескольких отсеков, пережатых фланцами. Высокий конус двигательной установки делал её похожей на маскарадного арлекина в остроконечном колпаке. Крышки датчиков выделялись алыми пятнами. Но как он не смотрел, станция не волновала.

– О чём вы говорили? – спросил он. – О каком хвостике?

– Да, так, пичок ночью прорезался на телеметрии, хвостик

сигнала. И всё затормозилось. Разбирались.

– Совсем не спал?

– Подремал чуток перед оперативкой. Сидя... Ты мне ответь: кто сидя спит? Ну, стоя – слон, лошадь, а сидя? Должен же кто-нибудь сидя спать кроме меня?

– Слав, ты меня извини. Я, может, не вовремя и не то сказал.

– Очухался. За это полагается канделябром. Ты почаще молчи. Ты не знаешь политики.

Политика состояла не в том, что нужно что-то замазывать и скрывать. Когда бы такое имело место, получилось бы чёрте-что. Политика состояла лишь в том, что следовало помнить массу особенностей и обстоятельств, записанных по разному поводу или нигде не записанных, оттого, что «гибрид» доводился на ходу.

Ведущий Лосев считал себя центром объектовой политики. В подобном качестве он был на ТП впервые. До этого приходилось ему бывать лишь помощником ведущего. Более того, в отсутствие Главного конструктора он целиком отвечал за объект. Он чувствовал себя пауком в полотне огромной производственной паутины. Он ощущал её малейшее колыхание, и наоборот – собственное шевеление отзывалось по стране: В Краснограде, Москве, на НИПах – Евпатории, Тбилиси, Улан-Удэ, Петропавловске-Камчатском. Любая их задержка меняла планы сотен людей. И сроки были астрономическими, планеты не станут ждать.

Мелкие заботы, «гордиевы» узелки приходилось рубить с плеча. Заболел сборщик – менялись смены; постановщик эксперимента из Академии Наук не пускали в МИК. Один из научных приборов станции прибыл в контейнере, опломбированном не по правилам. Следовало подготовить акт и решить вопрос о дополнительных испытаниях. Звонили из Краснограда, требуя объяснить ночную задержку, и всё, естественно, на высоких тонах. А теперь на проводе дежурный с КПП⁶ корреспонденты приехали.

Приезд корреспондентов на запуск автомата был, если честно признаться, делом его рук. До этого «представителей органов пропаганды», как их именовали в переписке, допускали только на пилотируемые старты и никак не в МИК... Но этот пуск был для них необыкновенным, может одним из последних, и он сыграл ва-банк.

Готовящаяся в этот полёт станция значила для него многое. В отношении неё он чувствовал себя настоящим Папой Карло. Его «творчество» началось примерно полгода назад, когда Главный в обычном разговоре о дорабатываемом ракетном блоке вдруг спросил:

– А нельзя ли на него что-нибудь из готовенького?

И Лосев и предложил поставить «гибрид». Считали два варианта: к Венере и «Зондом» к предполагаемой планете, иначе в пустоту. Но Лосев не успокоился, издёргал проектантов и баллистиков с экзотическим вариантом к троянским

⁶ КПП – контрольно-пропускной пункт.

точкам, а Академия Наук просчитала пролёт над полярной областью Солнца, назвав его «Фаэтоном».

«Фаэтон», – морщился Лосев, – в этом вся Академия Наук. Это всё равно, что назвать себя умным и скромным. В КБ объекты называли попроще: «М» к Марсу, «В» к Венере, «МВ» – «гибрид» – к Марсу или Венере, доработанный вариант.

Лучше всего пустить было к Венере. Но венерианское стартовое окно не растянуть. А на этот раз из-за задержек в МИКе запасы были выбраны, шли, что называется, «на бровях».

Однако если основной вариант не выйдет, остаётся экзотика из запасных. А получится, грех не иметь под рукою пишущую братию. Но действуя подобным образом, он должен был скрывать свою инициативу. Главный не терпел «партизанских действий» у себя за спиной. Приехавшие журналисты напоминали теперь джина из бутылки. Он просил разместить их в городке, Ленинске, в часе езды до площадки. Он знал: они не успокоятся и терпеливо выслушивал дежурного. Иное волновало его, чутьём он чувствовал, что что-то в МИКе происходит без него. И посадив на телефон подвернувшегося проектанта, смотался на сборку узнать «как и что?»

Не застав ведущего, Славка расстроился. Знакомый проектант Взоров надрывался у телефона и на вопросы о Лосеве сделал несведущее лицо. Тогда, чтобы не терять темпа, Славка махнул в архив.

В архиве работала Капитолина, тощая, словно высушенная здешним солнцем, с плоским скуластым лицом.

– Схема?.. Нет схем, – отрезала она.

– Как нет? – удивился Славка. – На них же написано: выдавать только по разрешению.

– Кем написано?

– Капитолина, не доводи до греха. Была служебная.

– Только и дел у меня – искать служебные.

– Где схемы, спрашиваю?

– Не ори.

– Побойся бога. Я ору?

– Надоели, сил нет. Отдала вашему Зайцеву. Говорят, он доктор наук. Так?

– А ты доктора ищешь? – теперь можно было на миг расслабиться. – Тебе, наверное, нужен врач?

– Заткнись, – отрезала Капитолина. – Так доктор он или нет?

– Ну, что ты, Капа, за человек? Мужчин запугиваешь.

– Мужчин, – она издевательски рассмеялась. – Мужчин... Трепачишки. Держите меня. Только языком мелете.

– Зачем ему схемы выдала? Он же в схемах ни бум-бум.

Теперь они рассмеялись вместе.

– Доктор и ни бум-бум, – говорила сквозь смех Капитолина.

– Свернёшь ты, Капочка, шею ради науки.

– И, правда, Славочка, ради науки я готова на всё.

То, что Маэстро не мыслил в схемах, было неверно. Он разбирался во многих вопросах. В Краснограде в отделе к нему обращалось множество людей. Как правило, в деле не основные, потому что основные не нуждались в помощи. К нему обращались многие и он старался помочь. Причём прибористов манила теория, наоборот, теоретиков привлекала практическая сторона. Обращавшимся казалось, что Зайцев знает и то, и сё, что он для них – сестра, точнее, братом милосердия. И сам он себя чувствовал в КБ, за отдельскими стенами и доброжелательством и опекой Вадима – в надёжной броне, а на ТП, на виду у всех, он был словно в открытом космосе в самодельном скафандре.

Вид теоретика, «упёршегося в схемы лбом» показался сходу забавным, и Лосев, увидев Маэстро, заулыбался.

– Над чем трудится теория? – спросил он.

– Да, вот, – поднял голову теоретик, – вроде схема неустойчива.

Лосев с трудом выбился в ведущие из конструкторов. Он не очень уважал теоретиков, считал: науке не место в конструкторском бюро. Ей место где-то на стороне, не здесь, где нужна чёткость, а не размышления и научные общие споры уводили очень далеко.

Однажды в Москве, на высоком приёме, он видел, как к Главному подошёл известный артист и предложил тост за науку. Главный фамильярности не терпел, но к представите-

лям искусства относился доброжелательно, как к детям. На этот раз он пить не стал, сказал:

– «За науку» не по адресу.

И кивнув в сторону теоретика космонавтики, добавил: «Это к нему».

– Как? – удивился народный артист.

– У вас, у артистов, – покачал головою Главный, – есть театры академические и театр транспорта. Мы в науке вроде театра транспорта.

Ведущий был с ним полностью согласен. Он ясно видел, что все эти звания в их области: академик, членкор и прочее – лишь дань уважения их технике. И теоретик, ковыряющийся в схемах, его рассмешил. Он мог бы отдать голову на отсечение, что схемы выверены. Но мысль – использовать теоретика – его позабавила.

– Что же ты не докладываешь? – сказал он при встрече Славке.

– О чём? – пялился тот на ведущего голубыми наивными глазами.

– Говорят, у вас схема неустойчива.

– Кто говорит?

– Твой коллега – Зайцев. По слухам, вами же распространяемым на площадке, доктор наук.

– Вот и разбирайтесь с доктором.

– А ты бы проверил.

– Нечего проверять.

В тонкости Славка не верил. Именно для того столь широко моделируется объект, чтобы всё ему было нипочём. К тому же пустое занятие – слушать теоретика. В далёкие времена, когда теоретики и практики сидели в одной комнате, прислали к ним дипломника. А Полуянов – шутник, которого иначе как «полупьяновым» никто и не называл, провёл за шкафами хлорвиниловую трубочку.

Дипломник приходил в КБ редко и, сделав общий поклон, принимался за схему. Затем спрашивал разрешение включить осциллограф. А Полуянов тем временем выходил в коридор, закуривал и пускал дым в трубочку, тянущуюся за студенческий стол.

Из схемы валил дым. Дипломник впадал в панику, оглядывался, не видели ли? Все вроде бы работали, а по делу давились со смеху. В конце концов студент перестроил диплом, разработал теорию неустойчивости подобных схем и его защитил, и, разбирая схему, обнаружил трубочку, уводящую за шкафы, и только его в КБ и видели.

Понятно было, как теоретик попал на ТП. Внесли двоих в штатное расписание, а подошло время – вынь да положь. Сами способствовали. И теоретик был следствием разговоров: «В отделе – чистые и нечистые. Хватит паразитировать за чужой счёт, пора, наконец, разделить общие беды». Но позвони он теперь в Красноград лишь посмеются: «Не справился».

Теперь теоретики просто занялись не своей работой, но

Вадима попробуй, заставь, а посылали таких, как Маэстро.

– С ведущим поосторожней, – предупредил Славка, отыскав теоретика. – Заложит, не моргнёт.

– А ты не бросай меня, учи.

– Бутылка, – ответил Славка.

– Ну, если ты так возьмёшься, разбогатеешь только на таре.

– Встрянешь, бутылка.

И вот после всех этих разговоров и предупреждений теоретик снова «возникал».

– В чём дело? – еле сдержался Славка.

– Да, вот, вроде схема – неустойчива.

Теоретики – птички божьи, живут себе в поднебесье. Палят в воздушных струях, пока ты копаешься в грязи.

– Не пойму я вас, теоретиков, – заметил Славка. – Годами моделируете, чтобы перечеркнуть всё разом на ТП.

– Биения близки к собственной частоте.

Сказанное теоретиком могло быть версией в ряде иных причин. Всё проверять, не хватит жизни. Когда возникали более или менее понятные помехи, их рассекали словно гордиевы узлы. Но здесь сомнения могли плачевно закончиться. Во всяком случае теоретика следует загрузить выше головы. Так, чтобы не смог головы поднять.

– Ты вот что. Оставь-ка в покое схемы и займись полётным заданием. Вот-вот появится Главный, и начнётся кровь из носу, вынь да положь. Доступно?

Маэстро кивнул. Он чувствовал себя бесполезным и незадействованным.

В архиве было тесно и жарко. Маэстро выписывал нужное, благо всё находилось под рукой. Архивная Капитолина болтала по телефону. Он сделал для себя странное открытие: все местные женщины нравятся ему. Все, без исключения. «Что это? От воздержания или полная потеря вкуса?».

Он аккуратно выписывал цифры, но юстировочные данные можно было понять и так и сяк. Он вновь отправился в миковский зал и встретил Лосева.

– Чем занимаетесь?

– Полётным заданием, – послушно ответил Маэстро.

– Учтите, – просительно начал Лосев, – с «Венерой» опаздываем. Скорее всего полетит «Зонд». А кому нужен «Зонд»? Вам? Мне? Академия Наук настаивает на полете к Солнцу, когда используется их прибор. Расширить бы стартовое окно, ведь все расчёты ведутся с запасом. Возможен и пертурбационный манёвр.

– К баллистикам обратитесь, – сказал Маэстро, – это не по моей части.

– Конечно, обязательно и не по вашей, – покивал Лосев, – вы только диссертации пишете.

И махнул рукой.

Диссертаций Маэстро не писал. У него даже не было законченных отчётов. Он только считал, решал, консультиро-

вал, а выходило у других. Нет, с диссертацией было не по адресу. И роясь в архиве, Маэстро ворчал: «Диссертации... Это как прежде говорили в очередях – «а ещё в очках» или «в шляпе», «а ещё газеты читает». Однако время от времени вставало перед ним расстроенное лицо ведущего, отчего Маэстро становилось неловко.

Он знал о разных предложениях. С треугольной троянской точкой, есть и другая либрационная – между Солнцем и Землёй. Там бы поместить зонд. И он станет зондом, не по названию, по существу. Солнечным зондом. И всё солнечное влияние, почти мистическое, свяжется с конкретными замерами. Эстеты из Академик Наук, конечно, станут морщиться. Мол, точка неустойчива... Практически устойчива. И хорошо, если «гибрид» повисит там несколько месяцев, затем его опять можно будет подкорректировать... Мокашовская мечта... Солнечный буй, висящий годами, зацепившись за точку пустоты. Спутник пустоты, зонд в космосе, на якоре, в ловушке гравитационных сил.

Глава 6

Аэропорт жил обычной налаженной жизнью. Объявлялись отправления. Однако Славка не мог усидеть на месте. Время от времени он подходил к ожидающим и сообщал:

– Дозвонился до Катогощина, спрашиваю: «В чём дело?». «Что-то с бортом, – говорит, – а что у вас Зайцев на ТП натворил?» До них только, оказывается, дошло. «Не натворил, – говорю, – а сотворил».

– Пошла твоя слава гулять по свету, Маэстрик, – вздохнул Аркадий Взоров. – Тебе и орден теперь запросто дадут. Признайся честно – ждёшь ордена?

– А ты бы на месте Маэстро не ждал, требовал, – усмехнулся Вадим.

– Нет, Вадим Палыч, – вздохнул Взоров, – не тот период. Бывают моменты, когда всё равно и хочется на пенсию.

– Один наш начальник лаборатории, – подсказал Чембарисов, заделался смотрителем маяка.

– Не верю. Так возникают легенды.

– Легенды возникают не так. На фирме один на очереди стоял, на жильё. Подходит очередь, ему дают, а он отказывается. Снова дают и опять отказывается. О нём в народе слава пошла: «Бескорыстный, мол». А он квартиру с ванной ждал.

– И о Маэстро легенды пойдут, а, помню, пришёл доверчивый и тихий.

– Зато теперь – орёл.

– Все мы – орлы, – добавил Чембарисов.

– Ну, нет, – улыбнулся Вадим, – ты – совсем наоборот.

– Выходит, решка, – не унимался Чембарисов.

– Скажу тебе по секрету, ты – много хуже.

– А как его разыграли в первый раз?

– Что-то с отделом режима.

– Это что, – мечтательно сказал Славка, – вспоминаю картинку, перед которой предыдущие – семечки. Зайцев первый раз на ТП. Представляете? Глаза – «во». – Славка руками показал, – внутренним огнём светятся. Первую ночь не спал, всё воду пил.

– Не надо, – возразил Вадим противным голосом, – это – святое.

– А эти алкоголики (он с испытателями вначале жил) нашли отдушину. Сперва ему телеграмму склеили, а затем с будильником...

– Проспать боялся, – обрадовался Чембарисов.

– Ночи-то короткие. Не успеешь заснуть, светает. А Юра проснётся, зарядку сделает, умоется, и как настоящий советский человек, будит других. Они и поставили ему будильник на три часа. Он будит, а те рычат, на часы показывают. Со всем затюкали. Он у них и на гире спал.

– Как на гире? – удивился Аркадий Взоров.

– А запросто. Заснёт, а ему гирию в постель, двухпудовую, для компании. Поворочается, поворочается, Юра, и с гирией

спит. Раз кровать с Юрой на улицу вынесли. В комнате душно, мол, накурено. Ночью дождь. Дождь, не дождь, просто с неба чуть-чуть покапало. Юра проснулся и обалдел. Верно, Юра?

– Совсем не так было.

– Конечно, не так, по-твоему, – картинно вздохнул Вадим. – Надо же так память расстроить.

– О славное время, – поддакнул Взоров, – когда, конечно, всё было иначе.

В действительности всё было не так. Вначале он действительно жил с испытателями. Те постоянно играли ночами в карты. И однажды раскладушку с ним в коридор вынесли. «В комнате шум, – объясняли потом, – будить не хотели». Внести забыли. Юра проснулся и обалдел. Но Славка зря выпендривается: ему самому тогда порядком досталось на ТП...

Спустя время Маэстро с удивлением отметил, что станция ему нравится. Перед обедом он опять зашёл на сборку. На участке «гибрида», точно при киносъёмке, были свет и шум. С солнечных батарей сняли крышки, и они были клетчатыми, с синеватым отливом. Вспыхивало электрическое солнце десятков ламп, и на ленте у телеметристов появлялись новые замеры. Сеанс повторяли согласно инструкции. На пультах вспыхивали индикаторы, и испытатели в наушниках переговаривались непонятным фразами, прижимая к горлу ларин-

гофоны. Маэстро стоял, поводя глазами. Славка мелькал в разных местах. И только когда станция, подхваченная мостовым краном, медленно поплыла к барокамере, Славка, вынырнул перед Маэстро из-за пультов.

– Обедать пошли.

– Не получается, – равнодушно сказал Славка. – Через полчаса повторное включение, могу в буфет.

Они прошли длинным, темным коридором и заглянули в комнату системы управления. У окна сидел представитель приёмки и что-то писал.

– Так вот где рождаются анонимки, – объявил радостно Славка.

Маэстро обвёл взглядом комнату: решетчатые окна, пульта расставлены вдоль стен.

– На кого кляuzu строчишь?

– Представь себе, на тебя, – ответил представитель приёмки. – Только ты в силу слабого образования не видишь разницы между кляузой и анонимкой. Первопечатник Иван Фёдоров книги свои анонимно выпускал. И памятник ему ты можешь рассматривать, как памятник первому анонимщику, но никак не кляузнику.

«Анониму», – мысленно поправил его Маэстро, не вступая в разговор.

– Напортачили вчера.

Вслушиваясь в разговор, Маэстро понял, что представитель приёмки действительно «сочинял» на них докладную.

И это поразило его.

В буфете было прохладно и пахло боржоми и консервированными томатами. За стойкой трудилась девушка с оголёнными худыми руками. Личико у неё было свеженькое, с особенной матовой кожей. Такие можно увидеть в молочных магазинах у молоденьких продавщиц. Когда она хмурилась или улыбалась, то личико морщилось, и появлялась складочка у рта, и получалось точно сложная жизнь прожитая, и мудрость во лбу наморщенном и складочке у рта.

– Наденька, – сказал Славка с ухмылочкой, – бутылку холодненькой.

– Холодной нет, – ответила девушка.

– А кто у вас холодильник отнял?

– Никто, он выдохся.

– Ну, такую давай.

Они отошли в дальний угол, к окну.

– Избалованы они тут, – сказал Славка. – Сто мужчин и одна девушка. Отвечает лишь в силу служебной необходимости, а останови её в нерабочее время, взглянет как на телеграфный столб.

Комната буфета была велика, но посетители переговаривались из разных концов и впечатление от размеров пропадало.

Длинный испытатель появился в дверях и ему закричали:

– Привет Михвас.

– Здорово, кум.

– Кому кум, – отвечал не сердясь испытатель, – а кому и Кумыцкий Михаил Васильевич.

– А мне, – засмеялся военный, сидевший за отдельным столиком, – и просто Михвас.

– Кто это? – шёпотом спросил Маэстро.

– Кумыцкий. Здешняя знаменитость. Кудесник, золотые руки, собачий нос. Жил-поживал себе беззаботно и весело, пока жену у него из-под носа не увели. Такую грех не увести. Красивая женщина, и ужас в том, что не уехала никуда. На площадке торчит.

Маэстро внимательно взглянул, а венный спросил:

– Как жизнь молодая?

– Отлично по производственным показателям, – ответил испытатель, – и отсутствует по личным. На танцы третью субботу не хожу. А твой половой вопрос?

– Крашу, – огорчённо вздохнул военный. – Сохнет проклятый. В коридоре волдырями пошёл. Перекрашивать нужно.

– А почему не паркет?

– Сразу видно: холостяк. В нашем-то климате. Только крашенные. Протёр тряпочкой и ажур.

Кумыцкий взглянул на буфетную девушку, и она кивнула ему, и подошёл к столику Славки с Маэстро.

– Водичку пьёт, – остановился Кумыцкий, видимо имея ввиду Славку и сморщив лицо, – наслаждается.

– Пью, можно сказать, с горя, – буркнул Славка на всякий

случай. – А что?

– Танцуй. Исчезли твои биения.

Славка только плечами пожал. «Ну, и что? Самоустранился дефект. Хуже нет самоустраняющегося дефекта. Пропадёт и появится, когда ему заблагорассудится».

– Исчезли твои биения, – повторил Кумыцкий. – Не понял? Исчезли с перерывом на обед.

И они начали хохотать и пританцовывать и хлопать друг друга по плечу.

– Сделали обеденный перерыв, – хохотал Кумыцкий.

А Славка повторял:

– А что я тебе говорил?

Маэстро ничего не понимал и позже спросил:

– Что, собственно, произошло?

– Помеха отключается на обед. И пусть попробуют на нашу систему грешить.

– А что он про танцы? Разве здесь танцы?

– Натурально. В клубе, под оркестр.

– А сколько по-твоему этому, в пенсне?

– Кумыцкому? Что-то в районе тридцати.

– А по-моему и все тридцать пять.

– И что?

– Странно. О танцах он.

– Так это не от возраста, а от гормонов в тебе. Когда ты последний раз на танцах был?

– В институте.

– А на отдельных вечерах?

– Не приходилось.

– Тогда обязательно сходи в клуб. Это будет твоя вторая молодость.

После обеда биения возобновились с новой силой. Но как не трепыхался на телеметрии «драконий хвост», стало очевидным: система здесь ни при чём, существует внешняя причина. Испытания продолжили.

Но ни днём, ни ночью, ни утром следующего дня помеха не отыскивалась. Приёмка грозила прервать испытания и поиски отнимали много сил, и само состояние неопределённости делу не способствовало. Казалось, всё перепробовали: отключали аппаратуру, насос, качавший воду во дворе; стоянку машин попросили перенести подальше от проходной; запретили работу кранов. Ничего не помогало.

Помеха сделалась всеобщим кошмаром. Славка не спал вторую ночь.

Утром Маэстро понёс показать ведущему расширение окон старта. Славка ожидал неприятный разговор с Красноградом. У него были красные воспалённые глаза, он спросил:

– Посчитал?

Спросил он так, для бузы, мимоходом. Он знал, что теоретик занят теперь полётным заданием и спросил наобум. Но теоретик ответил:

– Посчитал расширение окон старта.

– Ты что?

Окна старта считали баллистики. Причём расчёты велись месяцами, и все их ждали, а куда денешься? А тут раз-два и готово, между делом.

– А кто проверит? – осторожно спросил Славка.

– А зачем?

Ну, вот. Удружили, прислали теоретика. Он тут такие теории нагородит. Вот если бы приехал Вадим или другие мощные умы. Только у них в голове иное – пилотируемые. С «гибридом», считают, сделано. И верно: всего-то делов – объединить, а вышло – не учтены переходные процессы.

– Ты вот что...

Он уже пробовал задействовать Маэстро, но толку не было. Послал было его к генералам, объяснить. Но тот объяснил слишком просто, пришлось объяснять заново.

Объяснять генералам всегда было и трудно и просто. Не оттого, что они ничего не знали, наоборот они знали многое и настроены воинственно. Легко было оттого, что они были благодарными слушателями.

Может, обидеть Маэстро, оскорбить. Славку клонило в сон, но он пересиливал себя. Сначала причину найти. Войти в график было уже немислимой мечтой. Кончались вольные деньки на ТП. Ожидалось, приедет Главный, и всё изменится как в центрифуге, приобретёт неожиданный, неестественный вес. И сроки диктуются расположением планет. А кто поверит окнам старта, расширенным этим нелепым теорети-

ком? Грешить на готовую документацию? Такого не было. В ней не существует даже тени сомнений. И кто застрахован, что на заключительной комиссии не встанет некий ответственный херувим и, глядя в глаза, не спросит в лоб:

– Чем вы гарантируете?

И такое начнётся. Не дай бог. Нетрудно по личику схлопотать.

«Схлопотать» Маэстро ничего не стоило. Конечно, окнами старта занимались баллистики. Они были на фирме солидными и уважаемыми людьми. На космодром они пока не подъехали. Но здесь были уже расчётчики-баллистики из Академии Наук. Когда ведущий обратился к ним с окнами старта, они только рассмеялись в ответ:

– Прикинуть? А на чём прикажете? Извините, не возим с собою вычислительный центр и вычислительных программ не держим в голове.

Звонить в Красноград – значило поднимать преждевременный шум: а почему, в сроки не укладываетесь? И не удастся сделать запрос легко, походя. Там понимающе среагируют, и в результате – масса усилий и нулевой исход.

Ведущему хотелось успеха любыми средствами. Объект стал для него неким фетишем с неясным волнением и беспокойством, сродни любви. Таким для древних становился горшок с красной глиной или многоцветная раковина. А отношение в тебе, по выражению: «Все своё ношу с собой». И

ведущему захотелось чуда.

Из Краснограда пошутили: у вас теперь не то «магистра», не то «мангуста», он что твоя вычислительная машина, на спор пробовали, и он победил её. И это об этом чуде.

– Христом, богом тебя молю, – попросил его Славка – не подключай ты этого задрыгу, хотя у него явно математическая голова. Лошадиной формы, по Галлю.

Ведущий и сам, конечно, понимал, что теоретик не тот, что требуется. В одном разбросан, собран в другом? Несуразный внешне, несуразен и в остальном. Не обращает внимание на мелочи? А у нас нет мелочей. Ведущий знал других теоретиков, осторожных и точных, тех, кто по определению делает дело, а остальных только держат для мебели, на подхвате. Но даже Славка не понял расчёта троянских точек:

– На кой они?

– Так первосветная пылевая материя. Пра-пра...

– Пыль и что?

Теоретикам место в Академии Наук, где не уместны прибористы. На предприятиях, использующих приборы, нужны полуприбористы – полутеоретики.

– Не трогай ты его, – попросил Славка. – Не знаю, чем его занять.

С утра Маэстро занялся полётным заданием. Он сбегал в архив, записал на себя паспорт изделия, выуживал юстировочные данные, считал перекосящий двигатель и поправки. Потом он взялся за пертурбационный манёвр.

При нём станция начинает полёт в сторону, обратную планете – цели, и только потом, вывернувшись под воздействием Луны выходит на нужную траекторию. Это могло добавить сутки к стартовому окну. Об этих попытках не стоило трубить заранее.

Маэстро даже не знал, выйдет ли, ведь от идеи до конкретики – «дистанция огромного размера». И упаси бог вылезти с сомнительной цифрой. Как считали, на коленке или на машине, никого не интересует, это твои трудности, ведь полетят усилия массы людей, и тут уже не до шуток.

Глава 7

Перед обедом Маэстро зашёл на сборочную площадку, на-поминавшую растревоженный муравейник. Испытатели то и дело подныривали под тесёмки, огораживающие площадку, точно боксёрский ринг. И от этих нырков сходство с рингом усиливалось.

– Я вижу, тебе не до меня, – сказал он Славке.

– Почему? – спокойно возразил Славка. – Сейчас обедать пойдём. Телеметристы напартачили, пускай и разбираются. Пошли.

– Пошли.

Они прошли полутёмным коридором, попили из перевёрнутого крана и вышли во двор. Вдоль аллеи, тянувшейся к проходной, на белой потрескавшейся почве памятником человеческого упорства стояли узколистые кусты, и всю дорогу до самой проходной Маэстро преследовал ароматный при-торный запах. Они прошли проходную и по широкому шоссе двинулись к столовой. Возле столовой на пыльном поле с воротами солдаты, раздетые по пояс, кто в кедах, а кто в сапогах, играли в футбол.

– Смотри, на что способен русский солдат, – кивнул проходя Славка. – Попробуй, побегай по такой жаре...

Они прошли ещё немного вдоль аккуратно выкрашенной каменной изгороди, вдоль редких деревьев с побеленными

стволами и, поднявшись по ступенькам, попали, наконец, в узкое, похожее на депо здание столовой. – Смотри, – показал Славка таблички на стенах.

Таблички и аккуратные объявления почему-то не снимались и по ним, хотя и с трудом, проступала история этой столовой, удалённой от центров цивилизации, но переболевшей болезнями, выпавшими на долю любого пищеблока страны. Одно из них, выписанное на ватмане каллиграфическим почерком, служило как бы целеуказанием: «Стол саморасчёта». Затем ближе к раздаче: «Желающим питаться по диетблюдам – предоставить справки». Висели тут и объявления из серии неувядаемых: «Книга жалоб находится у кассира и выдаётся по первому требованию покупателей». Слово «покупателей» настораживало. Казалось, объявление написано иностранцем.

Между окнами висели пейзажи местного художника, возможно, того самого, что создал огромную картину, висевшую в переходе МИКа, которую Маэстро назвал одной длинной фразой: «Охотник, стоя в лодке, целится в уток, пролетающих над его головой».

В очереди в кассу и к раздаче самообслуживания стояли командированные, имевшие весьма пёстрый, разностильный вид. На полигоне их называли «промышленниками», и это было почти официальное название. Потому что на стартовой площадке, у проходной, на доске с кружками, отмечающими присутствие, была и надпись: «Промышленники».

Было жарко и есть не хотелось. Славка взял только второе, Маэстро первое. Они сели за столик возле окошка, прямо под писанный маслом зимний пейзаж.

– Сегодня Даша дежурила, – сказал было Славка, вглядываясь в пустую горчичницу, словно в подозрную трубу.

– И что?

– Погоди, остренького хочется, – ответил Славка.

– Горчички бы, хозяйюшка, – попросил он девушку, мелькающую полными руками на раздаче.

– Горчицу люди просят, – крикнула она в глубину кухни. И тогда откуда-то сбоку появился солдат в нательной рубаше, галифе и сапогах. Он молча взял горчичницу распаренными красными руками и ушёл, а затем вернулся, поставив полную горчичницу на оцинкованную стойку.

– Ну, и что? – напомнил Маэстро, когда Славка вернулся. – Ты о Даше говорил.

– Я говорю ей, народ для хора собираю. Спевка у нас. А она: «Каждый день у вас спевки, хоть бы бутылки за собой убирали». А у нас с самого приезда ни в глазу. Невежественная женщина. Смотри: Ленка и Капитолина из архива. Давай их пригласим. А ты смотаешься в город за вином.

– Это три часа езды.

– А что? Как раз. Сегодня день-то короткий. Пригласим?

– Сначала пригласи.

– Приятного аппетита, – уверенно сказал Славка, усаживаясь рядом с девушками, доедавшими компот. Они были

совершенно разными и в соседстве контрастировали. Всё в светловолосой Лене от замысловатой причёски до туфель на высоком каблуке подчёркивало её стройность. Капитолина, наоборот, казалась нестигаемо жёсткой, и у неё было плоское суровое лицо.

– Вам что сначала, – спросил Славка, не смущаясь молчания за столом. – Сначала анекдот или прямо по делу?

– Сначала анекдот, – ответила Лена, сплёвывая косточки.

– Когда смеяться, я предупрежу, – добавил Славка.

– Хорошо, – вздохнула Капитолина, как будто всё ей было в тягость: и сам Славка, и славкин анекдот.

«Словно заезженная пластинка», – подумал Маэстро, слушающая анекдот. Славка рассказывал одинаково, хоть первый, хоть сто первый раз.

– Смешно? – спросил Славка, улыбаясь во весь рот.

– Так себе, – снизошла Лена.

– Это – тестовый анекдот. Для проверки уровня юмора. Но дело не в этом. Всё дело в том, что у меня к вам деловое предложение. Отвечайте не задумываясь: да, нет. Мы сегодня празднуем новоселье. Приглашаем вас. Но учтите, этот парень делает крешон, пальчики оближешь... Понимаю, вам нужен тайм-аут. Хорошо, идите, посоветуйтесь, мы догоним вас.

– А как делается крешон? – спросил Маэстро, когда они вернулись к своему столику.

– Суть не в этом, – ответил Славка. – Важен их ответ.

– Ты иди. Я тебя догоню, – предложил он, когда они вышли, и посмотрели с высокого крыльца, как огибают прямо пахнувшую клумбу получившие предложение девушки.

Пути их разделились. Маэстро пошёл вдоль надоевшего до чёртиков шоссе с побеленными заборчиками и деревьями, а Славка направился в сторону гостиницы.

На спуске к МИКу Маэстро остановился и начал обрывать белые ягоды, похожие на тутовник. Упавшие ягоды, раздавленные ногами прохожих, усеяли темными пятнами тротуар. Потом их выжигало солнце, но новые ягоды падали на тротуар, и дерево, на котором были спелые ягоды, всегда можно было узнать по пятнам.

– Лакомишься? – спросил подошедший Славка. – В диспансер захотел? Видел объявление? Понимать надо. С апреля не было дождя и по октябрь не дождёшься. Так что вокруг всё, кроме нас – немытое.

– Деревья-то поливают, – сказал Маэстро. – Иначе росли бы они здесь. Ну, как дела?

– Они, естественно, сначала поломались. Но не особенно, для репутации. Сказали было: в город едут. Я думаю, придут. Так что тебе нужно будет закругиться. У тебя, как с заданием?

– Полётное задание составлено, – вытягиваясь, выпалил Маэстро. – Осталось подписать.

– Чистая у вас работа, – вздохнул Славка. – Так что, давай, отправляйся, а я попробую не застрять.

– А что для крюшона нужно?

– Какого крюшона? Бери всё, что есть в магазинах: водку, вино. Если ничего не будет – и такое бывает – зайди в «Луну», в кафе. Это на окраине, почти у контрольно-пропускного пункта. Только бутылки прячь. Иногда проверяют. Под настроение могут и пропуск порвать.

– Как же?

– Не так уж и страшно. Не ты же один такой. Случается, но маловероятно. Купи какой-нибудь компот.

– Их тут что ли нет?

– Здесь только конфитюры.

С автобусом ему, несомненно, повезло. Он прождал не более получаса на развилке дорог у стройки. И хотя дул ветерок и он снял рубашку, он все-таки вспотел. Ожидали несколько человек из экспедиции и ребята из Академии Наук, которым, конечно, здесь было делать нечего. На «гибриде» стоял их прибор, и они вроде как бы состояли при нём. Об их трудовых усилиях свидетельствовал прочный загар, и они могли уже загорать, не прикрываясь от солнца.

Легковым машинам не махали, легковые не останавливались, махали автобусам и грузовым. Но и те шли или с грузом, или заполненные, или просто водитель не захотел остановиться.

Один фургон остановился поодаль, и когда они с криком побежали к нему, он снова тронулся окутав их облаком пы-

ли.

– Сукин кот, шутит, – ругались ребята, возвращаясь к развилке. – На машине, отчего не пошутить?

Их всех захватил автобус, ходивший в тот день экспериментально. Вот если будут полные сборы, то появится этот маршрут.

Они ехали по степи, и Маэстро удивлялся безжизненности этой красной пустыни, оживившейся зеленью кустов лишь у домиков контрольно-пропускных пунктов. «Если бы не степь, разговаривал сам с собой Маэстро, – совсем бы не чувствовалось разницы с красноградским автобусом».

Окна автобуса были открыты, поддувало и было не жарко. Отъехав порядочно, шофёр, видимо из местных, с плоским и широким кирпичного цвета лицом начал собирать за проезд.

– Что? – поражались старожилы. – Какой полтинник? На попутных всегда бесплатно ездили.

Но ждать попутных не хотелось, а шофёр, как нарочно, был терпелив. Автобус быстро нагревался на солнце. Уплатившие деньги начинали ворчать: «Сколько можно? Когда поедем?» И всё это убедило неуверенных в том, что за автобус нужно платить.

Автобус снова бойко побежал по степи. Маэстро покачивался, смотрел по сторонам, и вдруг ему в голову пришло, что не дело в лоб решать и если сделать маленькое осреднение, то получится. От неожиданности он даже вспотел. Может получиться даже красиво. Впрочем, гарантий нет. Нуж-

но попробовать. Вначале всё выглядит. И хотя мысль нетерпеливо стучалась, он её отогнал, смотрел в окно на однообразие степи, пока, наконец, из-за горизонта не показалось кончик телевизионной башни, похожей издали на шуховскую на Шаболовке, и зелёная шапка города, возникшего из марева степи.

Автобус остановился на городской площади, на которую с трёх сторон наступали солидные здания: городской театр, строящаяся гостиница, учреждение, а с четвертой стороны выходили углами жилой дом и универмаг. Это был действительно универсальный магазин, потому что в гастрономическом отделе стояли на стекле прилавка бутылки «Гамзы» и «Ркацители». Это обрадовало Маэстро, но пошёл он дальше, спрашивая: «Где тут городской пляж?». «А вот так, через парк», – отвечали ему. Он прошёл через скверик с жидкими тонкими деревцами, стоявшими по колена в воде. Травы было мало, мёртвая потрескавшаяся земля. На клумбах и в виде ограды рос всё тот же ароматный кустарник с пряным запахом, которого Маэстро не мог забыть.

– Как он называется? – спросил Маэстро женщину, указывая на кусты. Она раскутала лицо, замотанное от солнца, переспросила: Что? Что?

– Название кустарника.

– А... – выпрямилась она. – У нас лохом зовут. Вы ребят спросите. Их в школе учат. – И она снова принялась сажать

во взрыхлённую землю какие-то ростки.

– Ребята, – остановил Маэстро проходивших мимо мальчишек, босых, в майках и коротких штанах. – Как называется кустарник?

– Лох, – сказал один.

– Нет, джида, – поправил его приятель.

– Да, джида и лох.

– А вы не купаться идёте?

– Купаться.

– А речка глубокая?

– В одном месте вам с ручками будет, в другом по горлышко, и очень несёт.

Когда Маэстро, выкупавшись, с высохшими тут же волосами и снова мокрый от пота, опять появился в городе, универмаг закрылся на перерыв. Тогда в соседнем ларечке он выпил розового морса из настоящей пивной кружки: толстой и литой, и рядом сладковатого мутного яблочного вина, и потащился искать следующий магазин. Возвращаться не хотелось.

Ему вдруг сделалось легко. В голове всплывали и исчезали бессистемные, отрывочные мысли. Хорошо бы решить с расширенными окнами старта и швырнуть ведущему на стол... Отчего зависит успех? От удачи, везения, от понимания красоты. Но у него определённно нелады с красотой. Что-то случилось. Все женщины на площадке кажутся красивыми. Словно здесь для него особое место, оазис любви.

Он поглядывал по сторонам. Дома в городе были похожими: серые, силикатного кирпича. Архитекторы старались разнообразить их окраской крыш, цветными щитами на балконах. Однако и крыши, и облицовка балконов сохраняли лишь жалкие следы. Краска была слизана как пескоструйным аппаратом. «Это от песчаных бурь», – догадался он.

В одном месте он остановился и вздрогнул. На площадке между домов женщина развешивала белье. Она то нагибалась над тазом, то выпрямлялась – и это движение чрезвычайно трогало. Оно напомнило ему встречу на шоссе, где женщина ловила фалангу, и воспоминание было приятным.

Он долго бродил по однообразному городу, наполненному горячим и сухим воздухом, и думал, как разделить уравнения. Он даже запомнил счастливое место. Огромное дерево и тротуар, который, чтобы не портить, огибал дерево словно ручей. Он вытащил блокнот, подумав:

«Хорошо, что он не сделал этого в автобусе. Ему пришла тогда довольно жалкая мысль, но, увлѣкшись расчѣтами, он пошѣл бы тем, заведомо ложным путѣм. Бывает же порой бездействие полезней действия».

С двумя бутылками «Гамзы», бутылкой местной водки с архаром на штампе и банкой консервированных фруктов Маэстро ждал автобуса у кромки городских деревьев возле контрольно-пропускного пункта. Рядом на небольших участках, щедро орошаемых водой, возились огородники. «Огород в этом городе, – подумал Маэстро, – видимо, пока-

затель привилегированного положения». Потому что на огороде шли семьями, хорошо одетые, насколько позволяла жара. И сама зелень и аккуратные колпачки над рассадой – ласкали глаз и сюда приходили полюбоваться ею. А счастливые владельцы хлопотали, переговариваясь, на своих участках, отводили воду и с такой тщательностью конструировали грядки, точно возрождали забытое искусство огородничества. Недалеко от Маэстро в тени деревьев стояло несколько ожидающих. Завидев подходящую машину, они выскакивали из спасительной тени, спрашивали водителя:

– До двойки?

– До станции, – отвечали люди на колёсах.

– А-а, – разочарованно отходили ожидающие.

Они уже выстояли порядком, когда к ним присоединилась женщина, и кто-то заметил: «Выросли шансы», и действительно, когда подошёл автобус, никто не двинулся с места, уступая это право женщине.

– До двойки едете? – мягко спросила она.

– Довезём, – отвечал шофёр.

И вслед за ней со словами: до двойки... до двойки... полезли в автобус и остальные.

Расселись. Маэстро устроился над колесом. Он хотел сразу достать блокнот, но что-то его остановило. Впереди вполоборота к нему сидела она. Та, что поминутно вспоминалась теперь. У неё было правильное, продолговатое лицо. Всё в ней ему нравилось: лицо, волосы, фигура, и то, как она сиде-

ла. Всё вызывало восторг. На ней было чёрное платье в редких белых цветах, и по подолу шла красная полоса. Все было в ней удивительно хорошо, но особенно поражала её потрясающая знакомость, хотя он был уверен, что не встречал её до ТП.

Он все же вытащил блокнот и начал писать, изредка взглядывая на неё, и она ему помогала.

Тяжёлый оранжевый солнечный шар повис над горизонтом, когда автобус притормозил у здания строящейся экспедиции, на развилке дорог. Маэстро вылез, поблагодарив водителя, и, поудачнее подхватил свёрток, разорвавшийся во многих местах. «Как он там работает? – подумал он о Славке. – В такую жару».

Первым делом, придя в гостиничную комнату, где они теперь жили вдвоём со Славкой, Маэстро разделся и встал под душ, смывая с себя жару и пыль, пока ему не стало холодно. Затем, не вытираясь, он вошёл в комнату и начал распаковывать свёрток.

Глава 8

- Готов забожиться, она поглядывает на нас.
- Перекрестись. Она поглядывает на Зайцева.
- А это естественно. Лучшего зятя бы и не пожелал.
- У тебя дочь?
- Слава богу, нет.

Гомон не прекращался, однако Зайцев не обращал на него внимания. Он подумал о девушке ГВФ, что в ней есть что-то восточное: «черноволосая, стройная, с нежным овалом лица».

Взгляды их встретились. Она улыбнулась, покраснела, но глаз не отвела.

Маэстро даже вспотел: «Такого не может быть. Разве жизнь не учила, что всё это не для него».

– Юра, нужно...

Но болтать больше не хотелось.

– Ничего мне не нужно, – перебил он.

– Все слышали? Юре ничего не нужно. Он у нас – святой.

– Святыми становятся после смерти.

– А мы убьём его и увековечим.

– Но нужен подвиг.

– У Юры есть подвиг: о деве и змее.

– Каком, зелёном?

Она смотрела на него. «Нет, это невозможно», – подумал

Маэстро, и снова прошлое нахлынуло на него.

С уходом солнца шоссе перед гостиницей оживилось. Постукивая каблучками-гвоздиками, проходили немногие женщины, жившие на площадке, и этот стук был слышен издалека. Многие, услышав его призыв, выглядывали из окон. А они, местные девушки, шли по своим делам: в столовую, которая закроеется вот-вот, в клуб за билетами в кино, в библиотеку. Но вид у них был такой, словно шли они на свой первый бал: белоснежная кофточка, продуманная причёска, модельные туфельки – ни дать, ни взять, девчонка с улицы Горького. Весь день они работали: в архивах МИКа, библиотеке, столовых, в сборочном, но вечерами они были местными девушками, одетыми с картинки, которыми любовались все.

Славка чуточку опоздал.

– Заварушка маленькая приключилась, – объяснил он. – А ты молодец, – рассматривал он покупки, – присваиваю тебе звание – молодец.

– А что случилось?

– На имитаторе не проходит сигнал. Правда, не штатный. Придумали тут проверочку. Запросили Красноград. Летит уже голубчик, твой начальник. Да, кончилась твоя беспривязная жизнь.

– А кто?

– Вадим.

– Да, ну? – удивился Маэстро.

– Давай бутылки.

Славка сунул бутылки в умывальник и открыл кран. Вода, журча, заскользила по их выпуклым бокам, исчезая в раковине так же, как она пропадала в ненасытной высушенной солнцем земле.

– Пошли поужинаем.

Они вернулись в гостиницу весёлым табуном. В вестибюле Маэстро и Славка со снисходительным видом подождали, пока Капитолина справлялась о письме. Проходящие взглядывали на девушек, затем на них, их ожидающих, и они резко выросли в их глазах. Когда Славка вынул из кармана ключ, и они ввалились из общего коридора в тёмный коридорчик прихожей, начались «ахи» и «охи», потому что на полу стояла вода. Наклейка одной из бутылок в раковине залепила сток, и вода, переливаясь через край, тяжело хлестала на пол.

– За работу, синьор, – скомандовал Славка, – а я пока развлекаю гостей.

Маэстро нашёл тряпку, разделся по пояс и, засучив брюки, начал собирать воду. Изредка он появлялся в комнате и частично слышал разговоры через открытую дверь. Говорил больше Славка, гости отмалчивались. Они сидели на покрытых одеялами постелях, осторожно отвечали и смеялись, переглядываясь, как будто знали что-то, неизвестное другим. Только первый раз, когда он появился в комнате босой с за-

сученными штанами, обнажённый по пояс, с тряпкой в руках, они дружно засмеялись.

– Как зовут твоего друга? – спросила Лена, улыбаясь высокомерно, точно не могла спросить об этом самого Маэстро.

– У него много имён, – сказал Славка. – Мы зовём его Юрой, но его можно звать и Жорой. Георгий ведь тоже Юрий, как и Егорий. А также Жорж по-французски. Джержис по-арабски. Ижик по-чешски, но мы зовём его Юрой или Маэстро.

И когда Маэстро вновь заглянул в комнату, Славка спросил:

– Как прикажешь называть тебя, Юра?

– Фернандо-Лаура-Артур-Мигуэль Дуарте – ответил Маэстро, и они рассмеялись. И ему показалось, что обе девушки с удивлением посмотрели на него.

Он мочил тряпку и выжимал её в раковину, а в комнате разговаривали. «Точно инструкции Мокашова, – думал Маэстро, улыбаясь про себя, – в каждой фразе чувствуется оговорочка. Вроде бы и «да», а если подумать, присутствует и «нет».

Когда он, покончив с водой, он появился в комнате, то в глазах присутствующих увидел интерес. Это возбуждало и сделало его уверенным.

– Как вы успели убедиться, – сказал он, улыбаясь, – я – не тунеядец и способен к общественно-полезному труду. Тем,

кто ещё сомневается в этом, могу показать свои трудовые мозоли.

– Натёртые ручкою двери, – перебила его Лена. А Капа сидела молча, поводя глазами. Ей здесь явно нравилось. – А где же обещанный крющон?

– Занимайся делом, – распорядился Славка начальственным тоном.

– Бу сделано, – ответил Маэстро, выходя из комнаты. Он чувствовал себя необыкновенно просто и понимал, что теперь в комнате его не будет хватать. Он может уйти, потому что время работает на него.

Он начал откупоривать бутылки, коротким перочинным ножом открыл компот, когда в дверь осторожно постучали. Перед дверью стоял парень в чёрной джерсовой рубашке. (В такую-то жару?) Сам чёрный, как итальянец. Маэстро видел его как-то в вестибюле, рядом с дежурной. Он был то ли слесарем, то ли водопроводчиком. Одним словом, официальным лицом.

– Что вам угодно? – поклонился Маэстро.

– Мне вот что угодно, – ответил парень, похожий на итальянца. – У вас засор?

– Вроде бы нет.

– А под вами комнату залило. Хотите посмотреть?

Они спустились вниз, сняли ключи с доски с номерами комнат и открыли дверь этажом ниже. Тут был такой же коридор-прихожая, направо туалет и душевая с умывальником

и зеркалом, такая же комната с двумя вытянутыми вдоль стен кроватями, столом, шкафом, тумбочками и зашторенным окном. И оттого, что окно было зашторено, в комнате было душно и сыро. По стенам тянулись серые сырые полосы, а на потолке висели крупные капли.

Они отворили окно: пусть подсыхает.

– Да-а-а, – протянул Маэстро, – а мы готовим крющон. Может, зайдём, выпьешь стаканчик? Зайдём?

– Не могу. На работе я.

– Да-а-а. Такие дела.

Поднявшись к себе, Маэстро освободил мусорный бачок. «На случай маскировки, прятать туда бутылки». Затем запер дверь и появился в комнате.

– Ты что? – недовольно спросил Славка. – Заснул или издеваешься.

– Ходил расхлёбывать потоп.

– А что? – забеспокоилась Лена. – Приходил кто?

– Такой чёрный парень. Внизу обычно околачивается.

– А... Это Володя. Тогда ничего.

Наконец, когда смесь вина, водки с толчёным сахаром, консервированного сока и слив была разлита по стаканам, и все стали пробовать, интересуясь из чего он готовил «крющон», снова пришёл Володя.

– Заходи, – пригласил Маэстро, отступая от двери.

– У вас авторучки не найдётся?

– Зачем?

– Тут ещё одни залили. Буду рапорт писать.

– Заходи, потом напишешь, – Маэстро внимательно поглядел на него.

– Хорошо, я позже зайду.

Они не зажигали света.

Быстро, как всегда в этих местах, совершился переход от света к темноте. Некоторое время фонари не зажигали, и за зданием гостиницы напротив догорал пылающий закат. И от этого странного, умирающего света здание гостиницы выглядело чёрным, тонким и плоским, словно у него был всего лишь вырезанный из жести профиль. Краски неба быстро менялись, и уже скоро на горизонте тускнела сиренево-жёлтая, а затем зелёная полоса, пока она не утонула в фиолете и синеве, которые все же некоторое время отличались ещё от остального неба. Однако сидевшие в комнате этого не замечали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.